

Светлана ЧЕРНЫШОВА

## ДОЛГАЯ ОСЕНЬ В КРЫМУ

\* \* \*

Ход вещей не нарушен,  
то есть времени ход:  
снова лета макушка —  
цикорий цветет,  
он всегда на макушке у лета —  
невозможно небесного цвета.

Будто небо упало и — вдребезги, и  
больше нет постаревшей, иссохшей земли,  
только — море и небо, и небо, и море,

только в зное полуденном волны цикория,  
просто руки раскинь и плыви...  
Как-нибудь доплывешь до земли,

где дома и деревья засыпаны снегом,  
и еще...  
С позапрошлой зимы не дочитана книга —  
про бескрылых людей? Или птиц?  
И цикория бледный цветок  
меж страниц.

\* \* \*

В детстве была плаксой,  
в юности — не лучше.  
Рыдала над пустяками:  
например, над латынью,  
что мертвой бабочкой  
летала близко-близко,  
в руки не давалась.  
А у человека больше двухсот костей,  
вы в курсе?  
Выучи-ка все, еще и на латыни.  
Губы шептали, спотыкаясь о незнакомые звуки,

незнакомые бессмысленные слова,  
и слезы заливали красочные рисунки  
анатомических атласов  
с мышцами и костями.

Дура, какая дура, плакала над рисунками!  
Так все слезы истратила.  
Нету их больше, нету.  
А оставшиеся иссушило  
раскаленное крымское лето.  
Теперь мои глаза —  
два пустых татарских колодца.

Я иду мимо госпиталя,  
вижу  
юных — на костылях или в инвалидных колясках,  
безруких, безногих,  
губы шепчут: fibula — tibia — femur —  
нет их.

Слез нет, выплакала все, дура.  
Надо было для *этого*  
настоящего оставить.

\* \* \*

говорят, скоро будет зима.  
будет долгой зима — без конца и без края.  
а пока... тяжелеет хурма,  
всплески скудного солнца на землю роняя.

сколько нынче хурмы...  
на деревьях, прилавках торговых палаток.  
повторяй же: хурма, от хурмы  
пусть во рту станет терпко и сладко.

чтоб на тоненький первый ледок,  
спотыкаясь от мертвого света,  
вышел ты, как всегда, одинок,  
но с оскоминой сладости этой.

\* \* \*

ветер сегодня солон штормист  
с клена сорвал огнедышащий лист  
кружится  
кружится он

девушка что-то кричит в телефон  
катятся слезы голос дрожит  
все это  
все это жизнь

встречи-невстречи  
любовь-нелюбовь  
слава тебе безысходная боль

отсвет кленовый в ее волосах  
даже в отчаянии  
даже в слезах  
даже у боли на остром краю  
юность прекрасна  
как осень в крыму

долгая  
долгая  
осень в крыму

\* \* \*

— скажи-ка мне, родина,  
кто я тебе?  
— так дочь ты мне... родинка.  
ветер в трубе  
завоет, забрызжет прозрачная кровь  
из гулких березовых дров.  
присядешь, беззвучна, пуста, у печи.  
— ты поговори со мной, а? не молчи.  
— ты дочка мне, родинка.  
тугой узелок на цветной кисее,  
сеньмая вода на чужом киселе.  
поди, я тебе приласкаю,  
катись ко мне, глупенький жбанчик пустой.  
до всех заусениц, до гиблого края  
наполню любовью своей непростой,  
чтоб сладким стал горький и быт твой, и дом.  
а время придет умирать молодой,  
чтоб было легко умирать молодой.  
за эту любовь непростую  
давай я тебя расцелую.  
чтоб ты, как березовый жбанчик пустой,  
гордилась беззвучной своей пустотой.

\* \* \*

ты вернулся в октябре  
мы махнули в Коктебель

пить на берегу винцо  
с карадагской кислицей

нежен день и ночь нежна  
желтолобая волна  
берег вылизала чисто  
от поэтов и туристов  
благодать и тишина

колыбеленка моя  
коктебеленка моя

что там в будущем? не знаю  
а как прошлое помянем —  
с неба катится звезда

помнишь жили мы давно  
в балабановском кино?

было весело и страшно  
огнестрельно бесшабашно

ведь на то и есть оно  
настоящее кино

но  
как молоды мы бы  
но как искренне любви

юных волн и настоящих  
песня плещется в крови

колыбеленка моя  
коктебеленка моя

\* \* \*

да что же такой городок неказистый —  
за десять дорог объезжают туристы.  
заеду, пожалуй. ох, боже мой, здравствуй —  
от улицы Ленина до Карла Маркса,  
по Энгельса сделав задумчивый круг,  
на Либкнехта выйдешь и — до Люксембург.

но если спуститься по Красноармейской,  
ты встретишь отель никому не известный,  
здесь все современно — комфорт и уют,  
кондишка бормочет, wi-fi раздают.  
и груша ветвистая смотрит в окно.

развалишься в кресле, откроешь вино.  
и только глотнешь ледяной совиной —  
услышишь из крохотной церкви напротив  
вечерний густой перезвон.

и выйдешь во дворик, чтоб слушать и слушать,  
как бьются о землю тяжелые груши,  
как падают груши под звон колокольный...  
и сладко, и больно.

\* \* \*

подойдет вальяжно  
на колени ляжет  
ты kota погладишь  
я kota поглажу

ничего что в жизни  
радости так мало  
и касанья эти  
вроде ритуала

ничего что помним  
знаем наизусть  
ты меня коснешься  
я тебя коснусь

так и проживем  
эту жизнь втроем

\* \* \*

По лету в Крыму просыпаются рано,  
пока, опрокинутая вверх дном,  
просохших небес, в мелких трещинках, ванна  
не стала с кипящей смолой котлом.

Вставайте. В беспечном раю на рассвете  
спят в солнечных слепках и каплях росы  
каштаны, чертята вопящие — дети,  
бездомные розы и ангелы-псы.

На дырлах крадитесь меж ними, и — к морю,  
где, может быть, будет свободен лежак,  
а если не будет, то можно и стоя,  
и сидя на камне, и эдак, и так

смотреть, как шипучая бухта разлита  
по чистым бокалам, и в легком свече-  
нии пены выходит сама Афродита  
с улыбкой дитя и тату на плече.

\* \* \*

на рынке, и в саду, и по дороге к морю —  
везде она сейчас, багрова и бела,  
всё про нее одну с особою любовью:  
во двор зайдешь, и тут — черешня тяжела.

согбленных веток дух — как будто расплескали  
невидимой рукой под солнцем теплый брют.  
и скачет ребятня — сережи, тани, вали:  
клюют черешню, косточки плюют.

наклонишь ветку так, чтоб поспелей, побольше.  
а надоест их гвалт, к подъезду побредешь  
и дома обнаружишь косточку в подошве,  
да будто приросла — не оторвешь.

и думаешь: ну да-  
же если мир кромешный  
опять пойдет ко дну, какой там к черту Ной?  
бог всех нас повторит — из косточки черешни.  
и, может быть, из этой вот одной.

